

Сбросив у дверей кроссовки, слегка уставшая после бурной ночи и недолгой, но унылой дороги, довольная, как получившая заветное мороженное из рук мамы первоклашка, Люба заглянула в комнату, откуда доносилось натуженное дыхание двух мужчин. «Чего они там с таким сопением вытворяют? — подумала девушка и с неожиданным озорством от хорошего настроения предположила: — Гомосексством занялись, что ли?»

Но — нет. Федя и Вася с мрачным видом свежесподнятых из могил зомби сидели на разных углах диванчика, надутые, как воздушные шарик. У Васи распухли разбитые губы, а Федю украшал синяк под глазом.

— Чего это вы такие красивые? — удивилась Люба, подхватывая с пола и закидывая пакет со своими вещами на кровать за шкафом. — На денек вас одних оставить уже нельзя?

Несмотря на совсем недавно полученное с Ингой бешеное, иное для нее удовольствие, блондинка сейчас была вовсе не против побаловаться с живым натуральным членом. Можно даже с двумя и сразу. Хотя, нет, сразу Федя не согласится. Ну, тогда хотя бы по очереди. И поспать еще до самого вечера! По всему молодому женскому телу гуляла еще приятная утомительная истома, не успевшая выветриться за время в пути до дома.

— Мы решили, что Климом с тобой больше трахаться не будет, — откашлявшись, угрюмо и твердо сообщил насупленный Федя. — Ты ему, если чего, тоже не давай. Теперь ты только со мной. Понятно?

Потупившийся в грязный пол, Вася молчал, видно, полностью согласный, пусть и против своей воли, с другом детства.

— Ох, ты ж! — сперва опешила, а потом до глубины души возмутилась Люба. — Это что еще за игры в Ромео и Джульетту?

И не слушая раскрывшего было рот парня, во весь голос продолжила:

— Ты прежде, чем такое говорить, хотя бы подумал, откуда я сейчас приехала? С блядок, родной! И там меня ебли все, кто хотел, и так, как я хотела! Так что вот — если без Васи, то и без тебя, Федор! Никто из вас по одиночке меня даже за сиську не тронет! Понятно сказала? А сейчас я — спать! Устала! Веселенькая ночка выдалась.

И Люба, гордо виляя задницей, ушла за шкаф. Но вызванное неожиданным заявлением Феди раздражение никак не хотело утихомириваться. «Что за выдумки? — думала девушка, ожесточенно запихивая пакет под кровать. — Еще в пятницу все было нормально, потрахались в очередь перед сном вполне себе неплохо. За день все переменялось! К черту! Они мне настроение испортили, я — им. Инцидент исчерпан!»

Не раздеваясь, только расстегнув джинсы, Люба шумно повалилась поверх одеяла на постель, завозилась, устраиваясь поудобнее и неожиданно для самой себя скользнула ладонью в раскрытую ширинку... и дальше, под трусики, легонько поглаживая пальцами спокойный клитор. Это оказалось так хорошо и забавно — дронить себя, когда за шкафом сидят два дурака-парня — что девушка удивительно быстро довела себя до легкого почти незаметного оргазма и задремала, повернувшись на бок, попкой к шкафу и своим любовникам за ним.

... В вечерней темноте квартиры проснувшейся Любе показалось, что в доме никого нет, и она осталась совсем одна на всем белом свете. Девушка, перевернувшись на спину, быстро

провела ладонью по лицу, отгоняя уходящий сон, и вспомнила, что завалились спать не раздеваясь, только скинув кроссовки, расстроенная неожиданными — с порога — претензиями Феди на единоличное использование её тела. «Блин! И откуда что берется. Нормальные же пацаны были — и на тебе. Вот надо было так настроение от необычного и шикарного секса с Ингой испортить», — чуть раздраженно подумала Люба, лениво подымаясь с постели.

Прогнать ощущение дискомфорта во всем теле после сна в одежде проще всего было водой. Но, вспоминая белоснежное джакузи в уютном лесном домике, лечь в пожелтевшую от времени и отсутствия заботы ванну не хотелось. Завтра, конечно, все впечатления от «красивой жизни» сгладятся, и Люба опять с аппетитом будет уплетать дешевые пельмени и пить паленую водку, но это будет только завтра, после работы.

Девушка разделась догола возле узкой кровати, побросав на нее снимаемые вещи, разыскала в объемном пакете чистые трусики и отправилась в уборную и ванную, по пути приметив, что на кухне, чуть слышно дыша, затаившийся в темноте, как звереныш в засаде, сидит украшенный синяком Федя.

Разогнав под сильными струями горячей воды остатки сна и телесного дискомфорта, Люба, вспомнив про белое и пушистое, чистейшее махровое полотенце, обтерлась первым попавшимся под руку чем-то буро-желтым, похожим на жеваную тряпку и, не одеваясь, прошла на кухню. Щелкнула выключателем, заставив ненадолго зажмуриться парня, а потом, как была в одних трусиках, шлепнулась на табуретку напротив Федора и попросила:

— Дай сигаретку, что ли?

Тот с какой-то лихой угодливой готовностью протянул пачку красного LD и разовую зажигалку.

Люба закурила, отмахиваясь от первых назойливых клубов дыма, и обратила внимание, что парень старательно пялится на её грудь, словно впервые её увидев в натуре. Похоже, Федор почему-то побаивался после произошедшего разговора взглянуть глаза в глаза.

— Пожрать-то есть чего в доме? — отвлекая Федю от его неприятных мыслей, поинтересовалась девушка. — Я утром не завтракала, обед проспала. Я вот думала, как приеду, перекушу чего, а тут — африканские страсти с русским мордобоем! А живот уже бурчит во всю, жрачки требует!

— Сейчас!

Обрадованному парню показалось даже, что подруга сменила гнев на милость, так запросто, словно ничего необычного утром не произошло, общаясь с ним. Федя дернулся к холодильнику, суетливо вытащил остатки пиццы и какой-то совсем уж завалившийся там гамбургер.

— Давай, погрею? — предложил он, потянувшись было за сковородкой.

— На фиг, и так сойдет, — Люба вцепилась для пробы зубами в пиццу.

Слава богу, её можно и холодную пожевать, хоть никакого вкуса и не чувствуется. Проглотив первый кусочек и вновь вернувшись к сигарете, девушка решила, что сейчас самое время попробовать разобраться с претензиями Феди, не откладывая это в долгий ящик. Еще затяжечка и — можно поговорить.

— Вот скажи по-честному, чего вы с Васей во мне не поделили? И зачем тебе все это?

Сперва-то, кажись, ты сам сказал, что спать надо с вами двумя?

— Дурак был, — быстро, видно с утра ожидая такого вопроса, отозвался Федя, снова пряча

взгляд. — И не знал тогда, какая ты.

— А чего ж тут знать-то? — затаптывая окурков в грязной пепельнице, удивленно спросила девушка. — Я — такая, как есть. Хочется мне с вами, я и трахаюсь. И даже в два хера сразу — не против. Зачем из себя какого-то Отелло негритянского изображать? Я же чувствую, как ты за последние дни изменился. Что случилось-то? Может внятно ответить?

— Ну... Не хочу я, чтобы тебя еще кто-то... — запутанно, невнятно попытался объяснить парень. — Понимаешь... Не нравится мне это... Почему-то... Ну... Сразу когда, оно понятно, надо было и для Клима... Друг он... А сейчас как-то...

— Бред какой-то, — согласилась с ним Люба. — Нравится, не нравится, хочу, не хочу, как в детском саду манную кашу. Я вот хочу, к примеру, свою квартиру в Москве иметь. И что?

— Ты не поняла, и Васька тоже не понял, — вдруг разгорячился Федя и, решившись, будто ныряя в темный бездонный омут с головой, зачем-то зажмурившись, сказал: — Я же не просто так, чтобы ты со мной. Я... может... в общем... жениться на тебе хочу. Вот.

И он, открыв — да что там открыв — вытаращив глаза, выдохнул так тяжело, будто дотащил, наконец, тяжкий груз до места назначения и сбросил его с усталых плеч.

Любаше показалось, что кто-то безжалостно ударил её пыльным мешком по голове. Ни в одном из виденных ею фильмов, ни в читанных изредка книгах, ни в рассказах подруг и приятельниц — нигде не делали предложение таким странным, диковинным образом. На обшарпанной грязноватой кухне чужой квартиры. И кому? Ей? Сидящей перед одетым по-домашнему парнем в одних узких трусиках и жующей отвратительную холодную пиццу.

— Так «может», «в общем» или хочешь? — не зная, что еще сказать, спросила девушка. — Хочу. И женюсь, если ты согласна, — твердо отгарабанил парень, решившись, наконец, глянуть в васильковые глаза блондинки.

— Ой, дурак, — в растерянности протянула девушка, даже не подозревая, что цитирует старинную комедию.

«Меня же твой друг да еще с твоего же разрешения драл по всякому за шкафом каждую, считай, ночь. А потом еще на твоих глазах на клык давал, пока ты меня раком пялил! Как ты это вспоминать будешь через пару недель? И что обо мне потом будешь думать, после свадьбы-то? Которой и не будет совсем, денег-то у тебя нет, даже на такси от ЗАГСа одалживать придется, какая тут свадьба», — подумала Люба, но говорить всего этого не стала, а нашла более легкий, хоть и невыгодный для нее аргумент.

— Жениться придумал, надо же... на мне? Федя, а то, что ты меня на улице подобрал, когда папик из дома за блядство выкинул — ничего?

— Ерунда, — настырно сказал парень. — Мало ли, что было у кого. Это прошлое. Не считается.

— А в будущем я тебе изменять буду налево и направо, — ласково и откровенно попыталась добить парня Любка. — Понимаешь? Я не привыкла мужикам отказывать, если просят. Или если по делу надо.

— Научишься отказывать, — сумрачно пообещал Федя, поглядывая почему-то на свои кулаки. — Я тебя так затрахаю, других не захочешь...

— Мечтатель, — фыркнула окончательно растерявшаяся девушка.

— Ну, и что? Я такой. Только ты сейчас ничего мне не говори, — обеспокоенный ожиданием категорического отказа попросил парень. — Просто пообещай, что подумаешь, ладно? Пообещай.

— Может, и подумаю, — устала от бессмысленных препирательств блондинка и, наконец, решила перевести стрелки. — А пока я думаю, может, ты прямо сейчас меня трахнешь?

— Ты этого хочешь? Со мной? Сейчас? — загорелся азартом от неожиданного предложения Федор.

— Мог бы уже понять, что я всегда хочу, если не пьяная в лом и не очень устала, — пояснила Люба. — Да и тогда хочу, наверное, только не очень могу. Ну, что? Долго мне ждать?

Скорость, с которой Федя сбросил с себя мятую старую футболку, драные, в жирных пятнах домашние джинсы и семейные застиранные трусы, была поразительной. Миг — и вот он уже стоит перед девушкой, покачивая напрягшимся, готовым к употреблению пенисом. Та, как сидела, потянувшись вперед, с едва заметной брезгливостью понюхала багрово-сизую головку — чистенько, кажется, Федор сиднем сидел на кухне целый день в тоске и печали — и пропустила её в ротик, не отвлекаясь на привычные шалости с поцелуями ствола и полизываниями залупы. Сосать живой твердый член безусловно было приятнее, чем совсем недавно пластиковый заменитель. Вот только если бы с другой стороны к члену прилагался не этот свихнувшийся от придуманной любви и противоестественной ревности паренек, а хотя бы та же Инга...

Впрочем, помня, что любителем минета Федор никогда не был, Любаня ограничилась десятком смачных проходов туда-обратно и отстранилась с резонным вопросом:

— Резинки где?

— А если без них? — неожиданно предложил парень, видно уже решивший априори считать Любу если и не женой, то хотя бы полностью законной своей невестой, презерватив в общении с которой вещь вовсе не обязательная и даже лишняя.

Во всяком случае, почему-то он именно так и думал, туманно и запутанно представляя себе интимную часть семейной жизни.

— Обнаглел совсем? — искренне возмутилась девушка. — Мало ли, что ты тут мне только что наговорил и наобещал! А замужем или нет — детей я пока не хочу иметь. И аборты делать по глупости — тоже!

— В комнате! Момент!

Вернулся Федя уже с зачехленным пенисом. Любка, не долго думая, стянула трусики, встала в уже привычную позу, опершись локтями о стол и уперевшись для удобства коленкой в ближайшую табуретку, и помогла суетливому без меры парню вставить в увлажнившуюся в предвкушении натурального члена дырочку.

Пока он энергично и размашисто с привычным хеканьем на выдохе, шлепками лобком о крепкие ягодицы партнерши буравил её влагалище, сильно сжимая руками талию, блондинка ловила кайф и вместе с тем меланхолично размышляла: «И что же теперь? Откажусь — выгонит! Ну, не выгонит, конечно, но жизнь испортит, сама уйду, убегу со всех ног. А куда? Блин, даже первой зарплаты еще не было. А если деньги просить у той же Инги, ну, как будто в оплату за секс с ней, получится. Так не хочу. И не буду». Излишне увлеченная своими невеселыми мыслями, но при этом не забывая умело подмахивать Феде, Люба неожиданно ощутила его беспорядочные подергивания перед самым спуском. Парень, еще злее, клещом, вцепившись в женскую талию, сильно прижался лобком к её попке, и — во влагалище ударила горячая струя семени. Потом еще одна, и еще...

— Что?!

Как ужаленная, соскочив с члена парня и моментально развернувшись, блондинка увидела

вокруг быстро увядающего ствола обрывки резинки. Из вялой уже залупы прямо на пол падали последние капли спермы.

— Ты специально, гад?

— Ты чего? — растерянно проговорил Федя, видимо, удивленный порвавшимся в процессе презервативом не меньше Любы. — Я-то тут при чем?..

— Чьи гандоны? Откуда ты их взял, сволочь!

Девушка уже орала в голос, сливая накопившийся за время их нелепого разговора душевный негатив на парня.

— Ну, Васька, кажись, покупал, давно уже, — с трудом вспоминая — когда именно, ошеломленно пробормотал Федор. — Твои-то кончились уже. Вот я эти и взял, чего им валяться в столе... Да мы уже пробовали с ними, ничего, все нормально было... раньше. А теперь что делать-то?

— Молиться, Федя, — злобно улыбнулась, тяжело дыша после истерики, Любаня. — Молиться, чтобы ничего не было. А то ведь и замуж не пойду, и алименты с тебя буду стричь по полной программе. До самой пенсии! Чтоб ты сдох, придурок конченный!

Ударив кулачком изо всех сил в плечо парня, блондинка быстро проскочила в ванную, плотно закрыв за собой дверь. Это было домашним сигналом, настоятельной просьбой не входить, которая обычно исполнялась неукоснительно.

За те несколько минут испуга и первичной истерики Люба сообразила, что буквально со дня на день к ней должны придти «красные дни», и теперь с облегчением вздохнула, успокаиваясь, упрямо не отреагировала, притворяясь если и не спящей, то уже задремывающей. Но он все равно опять пришел через пяток минут, скромно присел на краешек кровати в изголовье, потрепал Любу, как мог ласково, по плечу.

— Ну, прости меня, дурня, еще раз, — прошептал парень. — Ну, вышло так. Я уж как себя корю-то за эту долбанную резинку, поверь...

Федя выдержал паузу, старательно сопя, ожидая, видимо, каких-то слов от блондинки, а потом решился.

— Ну, хочешь, Васька к тебе придет сейчас? Тогда простишь?

«Охренел совсем, — подумала окончательно ошеломленная девушка. — Сперва замуж позвал, и тут же под друга подкладывает, только чтобы я не сердилась. Может, он для этого и жениться хочет, чтобы я спала со всеми его друзьями-приятелями и ему самому за это отказать не могла? Бред какой-то. Или не бред. Что-то я уже ничего не понимаю».

— Если с теми же презиками, что и ты, то идите вы оба лесом, — буркнула невнятно Люба. Потрахать перед сном, как она уже привыкла, живя в этом доме, девушка, конечно, хотела. И размеренно неторопливый в процессе Вася для сексуального успокоения взъерошенной психики годился, как нельзя лучше.

— У него новые, сегодня только купил. Не в ларьке, в аптеке, — совсем уж непонятно чему обрадовался Федя, быстренько убегая к диванчику.

«Вот! И этот свежие презики купил, будто надеялся на что-то. Или заранее сговорился с другом! Нет, тут точно можно с ума сойти, если так задумываться обо всем».

Как и ожидала Люба, долго пересказывать другу, что от него требуется, Федору не пришлось. Через пару минут Вася, ступая на цыпочках, словно подкрадываясь к ней тайком, появился у кровати голышом, с уже стоящим и предварительно орезиненным членом. Девушка, как всегда задрал под горло ночнушку, приподнялась на локте, привычно принимая пенис в

ротик, немного пососала, поигралась язычком с залупой, скорее, для проформы, чем удовольствия, потом шепнула еле слышно: «Не люблю такое дело... ну, в рот в резинке... давай уж, приступай». Но попробовавшего сразу навалиться на нее сверху парня притормозила: «Погоди, я на живот лягу, так нам обоим лучше будет». «Федька сказал, только в классике, ну, типа, я сверху, — смутился, как школьник застуканный за онанизмом, Вася. — Или никак, а то больше не разрешит». «Бляха муха, — откровенно рассердилась Люба. — Ты и будешь сверху, а про меня он ничего не говорил! Давай, что ли, хорош болтать в пустую...»

Она перевернулась, раздвинув пошире ножки, и Вася, пристроившись, как всегда ловко вошел во влажную дырочку со стороны попки. Тогда, в первый раз, блондинке именно это сексуальное упражнение с парнем очень понравилось, и повторяли они его при каждом удобном случае, да и сейчас она тихо тащила от удовольствия, ощущая в себе размеренные неторопливые движения крупного головастого члена. Но кончить все-таки не успела, истерзанная за день глупыми мыслями и нелепым поведением друзей. Возбужденный свалившимся, как снег на голову, разрешением друга потрахать его почти невесту, Вася заерзал, ускоряясь, похлопывая лобком по крепким ягодицам, замер, прижавшись к телу девушки крепко-крепко, и слил в презик задолго до того, как Люба настроилась на свой оргазм.

Приподнявшись на локтях, парень неожиданно поцеловал в плечо доставившую ему удовольствие блондинку, потом быстро встал и почти убежал к себе, на диванчик, по пути привычно швырнув снятый презерватив к столу. «Какие нежности телячьи, — подумала Люба. — Что-то тут не то. Один замуж зовет, не подумав, другой — в плечико целует. Надо как-нибудь поскорее валить отсюда, пока точно под венец не повели или еще чего похуже со мной не сотворили...»

... На утро блондинка поднялась раньше всех, когда надо, она это умела, и быстро-быстро убежала из дома, не проглотив даже куска хлеба с жиденьким чаем. Масло на хлеб парни считали извращением зажавшихся буржуев, а проще говоря, на него не всегда хватало денег или бесхозяйственные, как все мужики, они просто забывали купить пачку-другую.

Полчаса до начала рабочего дня Люба слонялась по улице возле магазина, радуясь, что мокрый снег с дождем кончился еще вчера к вечеру. И хоть солнышко не побаловало горожан своим появлением, отсутствие падающей с неба воды уже казалось праздником. Простудиться девушка не боялась. Наверное, это было наследием предков, но ничем простудным за всю жизнь ни сама Люба, ни её родители не болели. Насморк и кашель считался в их семье таким же экзотическим явлением, как Эбола или «болезнь легионеров». Но замерзнуть блондинка все-таки успела. И еще едва утерпела, пока пришедший сегодня первым Иван открывал двери магазина. Заскочить в ближайший подъезд или подворотню и облегчить мочевого пузырь Люба хотела уже с полчаса.

Рабочий день проходил, как обычно. И даже Инга вела себя так, будто ничего не случилось между ней и блондинкой в субботу и ночь на воскресенье. Все так же с легким озорством во взгляде подмигивала Любе, иногда, проходя мимо, трепала по крепкой попке затянутой в вечные джинсы. Или выговаривала за неизбежные при небольшом стаже работы ошибки. «Нет ли случайно у нее сестры-близняшки, с которой мы и кувыркались в лесном уютном домике?» — подумала девушка. И еще решила, что обязательно когда-нибудь научится держать себя с любовниками вне постели также легко и непринужденно, как это умела делать

Инга.

И только когда рабочий день уже закончился, и народ быстренько разбежался по своим личным делам